

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080002879-3

ГЕРМАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2018

Ф. О. ТРУНОВ

Институт научной информации
по общественным наукам РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; ltrunov@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются вопросы взаимодействия между Германией и Ираном в военно-политической сфере, в том числе причины заинтересованности Берлина в сохранении «ядерной сделки» 2015 г. с Тегераном. Исследуются политические, дипломатические и экономические меры, принимавшиеся ФРГ по предотвращению срыва договоренностей в условиях выхода из них США. Сквозь призму иранского фактора рассматриваются отношения между Германией и Саудовской Аравией. Указывается, что, несмотря на декларируемое сотрудничество, территория королевства не использовалась как тыловая база для миссий бундесвера на Ближнем Востоке и Африканском Роге. Особое внимание в статье уделяется роли ФРГ в ирано-саудовском противостоянии и в воспрепятствовании его перехода в «горячую фазу». Предпринята попытка сравнения подходов Германии и ИРИ к решению «сирийской проблемы», а также к урегулированию вооруженных конфликтов в Ираке и Йемене. Делается вывод о важности Ирана как перспективного стратегического партнера Германии.

Ключевые слова: Германия, Иран, безопасность, «ядерная сделка», Саудовская Аравия, вооруженные конфликты.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Германо-иранские отношения в военно-политической области на современном этапе. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 211–221. DOI: 10.31857/S086919080002879-3

GERMAN-IRANIAN RELATIONS
IN THE MILITARY-POLITICAL SPHERE AT THE PRESENT STAGE

Philipp O. TRUNOV

Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; ltrunov@mail.ru

Abstract: The article explores the cooperation between Germany and Iran two rising powers in the military-political sphere at the present stage. The scientific paper investigates the reasons for Germany's interest in preserving the "nuclear deal" with Iran, which was signed in 2015. In this regard the author explores political, diplomatic and economic steps of German leaders aimed at preservation of the Iranian "nuclear deal". The main threat to the implementation of the six-party agreement (2015) is the withdrawal of Donald Trump's administration. The article also considers the relations between the Federal Republic of Germany and Saudi Arabia, primarily their cooperation on military and political issues, through the prism of the Iranian factor. The article shows that the territory of Saudi Arabia has not been used by the Bundeswehr as a support base for its military missions in the Middle East and the Horn of Africa. At the same time, the two countries have emphasized their fruitful bilateral cooperation. The pre-

sent research pays special attention to the current and perspective German role in the Iranian-Saudi confrontation and the ability of the German side to influence the transformation of the political conflict into an armed one. The paper also pays attention to the compatibility of the German and Iranian approaches to the solution of the "Syrian problem" and to the regulation of the armed conflicts in Iraq and Yemen as important zones of instability for both countries. Based on the outcome of the study, the author draws a conclusion about the importance of Iran as a perspective strategic partner of Germany.

Keywords: Germany, Iran, security, "nuclear deal", Saudi Arabia, armed conflicts.

For citation: Trunov Ph.O. German-Iranian relations in the military-political sphere at the present stage. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6. Pp. 211–221. DOI: 10.31857/S086919080002879-3

Одним из главных проявлений глубинных сдвигов в мировой политической системе становится рост влияния поднимающихся держав. Утвердившись в роли центра (или одного из центров) региональных подсистем, эти государства постепенно движутся к статусу влиятельных глобальных игроков. В Азии к ним относятся не только экономические гиганты Индия и КНР, но и Исламская Республика Иран. Последовательно наращивая разветвленную ресурсную базу внешней политики, ИРИ активно использует свой уникальный культурно-цивилизационный опыт, накопленный за многовековую имперскую историю.

Практически единственным примером поднимающейся державы внутри Евроатлантического сообщества выступает Германия. За четверть века со времени окончания «классической» «холодной войны» ФРГ прошла путь от ведомого западными державами (США, Великобританией, Францией) до одного из лидеров коллективного Запада. В частности, это выражалось в волнообразном распространении стратегического влияния Германии на мировой арене, которое может быть описано формулой «региональных кругов»: лишь прочно обеспечив военное-политическое присутствие в близко расположенных территориях, ФРГ начала проникать в сопредельные с ними страны. В 2010-е гг. Германия стала претендовать на роль одного из внешних центров влияния на ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Помимо участия в урегулировании арабо-израильского конфликта (особенно его палестинской и ливанской составляющих), в первой половине – середине 2010-х гг. ФРГ активно включилась в решение сирийского и иракского вопросов.

На этих направлениях Германия соприкасалась с Ираном, причем особое место в их взаимоотношениях заняли переговоры по «ядерной программе» ИРИ. В составе «шестерки» (США, Россия, КНР, Великобритания, Франция, ФРГ) официальный Берлин внес заметный вклад в достижение Венских договоренностей от 14 июля 2015 г. Заключение «стратегической сделки» с Ираном рассматривалось в тот момент Германией как огромный дипломатический успех, послуживший началом нового этапа не только в отношениях с официальным Тегераном, но и в политике на Ближнем и Среднем Востоке в целом [*Die Wiener Vereinbarung...*, 2017]. Однако вопреки первоначальным ожиданиям, стратегического сближения сторон, которое могло бы привести к заметному укреплению влияния ФРГ в регионе, не произошло.

Задачей статьи является выявление характера современных отношений между Германией и Ираном в наиболее чувствительной для двух держав сфере международной безопасности. В фундаментальных трудах отечественных [Павлов, 2005] и зарубежных [Bredow, 2015] исследователей политики ФРГ в области безопасности вопросам взаимодействия страны с ИРИ уделяется незначительное внимание. Должным образом этот вопрос не освещается и в работах российских авторов, посвященных роли Германии в урегулировании конфликтов и кризисов на Ближнем и Среднем Востоке [Ханнанова, 2017]. В данной статье предполагается восполнить этот пробел в отечественных исследованиях.

США И «ЯДЕРНАЯ СДЕЛКА» С ИРАНОМ

Администрация 45-го президента США демонстрирует ужесточение политики в отношении большинства стран за пределами Евроатлантического сообщества. Иран не стал исключением: обвинив страну в нарушении условий «ядерной сделки», Дональд Трамп стал искать возможности выхода из нее при одновременном наращивании давления на официальный Тегеран.

28 сентября 2017 г. вопрос о поддержке США Германией на этом направлении был поднят Дональдом Трампом в ходе телефонных переговоров с канцлером Ангелой Меркель. Момент был выбран удачно: по итогам выборов 22 сентября в Бундестаг прошли крайне правые («Альтернатива для Германии») и при этом сократилась поддержка традиционных партий, прежде всего ХДС (в блоке с ХСС), возглавляемой Меркель, и СДПГ. Меркель подчеркнула приверженность «ядерной сделке» и продолжению встреч с иранским руководством в целях ее реализации, в том числе в формате Е3, то есть в составе трех европейских держав – Германии, Франции и Великобритании [*Bundeskanzlerin Merkel telefonierte...*, 2017].

Несмотря на затянувшийся (до середины марта 2018 г.) кризис в связи с определением партийного состава нового кабинета¹, Германия продолжала последовательно выступать против расторжения «ядерной сделки». Только с октября 2017 по февраль 2018 г. об этом четырежды официально заявлялось, в том числе на саммитах Европейского союза и 54-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, как самой Меркель, так и другими членами правительства ФРГ, согласовывавшими свою позицию с ЕС и партнерами по «евротройке».

Официальный Берлин разделял опасения Белого дома в отношении ракетной программы Ирана (в частности, из-за испытания им баллистической ракеты среднего радиуса действия в нарушение резолюции 2231 Совета Безопасности ООН) на фоне общего усиления его позиций в регионе. Однако ФРГ исключала возможность силового давления на ИРИ и выступала не только против свертывания, но и за расширение переговорного процесса [*Rede des Bundesministers...*, 2018]. В ответ на заявление Трампа о выходе США из «ядерной сделки» с Ираном 8 мая 2018 г. руководство Германии выступило с жесткой критикой данного решения, указав на свою приверженность участию в реализации договоренностей. Более того, власти ФРГ начали развивать сотрудничество не только с партнерами по «евротройке» (особенно с Францией), но и с Россией [*Pressekonferenz von Bundeskanzlerin...*, 2018].

Представляется, что позиция Германии в отношении ИРИ обусловлена множеством причин общеполитического (в том числе имиджевого), военного и экономического характера.

Достижение договоренностей 2015 г. официальными германскими властями последовательно представлялось общественности как крупная победа дипломатии ФРГ и ЕС; при этом минимизировался вклад других игроков, в том числе России. Примечательно, что шестисторонний механизм переговоров официальный Берлин описывал формулой «Е3+3» – три страны ЕС (Великобритания, Франция и Германия) + 3 (Россия, США, Китай) внешние державы, а не характерной для большинства участников – «5+1» (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН + ФРГ), тем самым стремясь избежать отделения Германии от остальных стран – участниц переговорного процесса. ФРГ особенно настаивала на подключении к нему ЕС после создания в 2010 г. Европейской службы внешних связей (ЕСВС). Именно Верховный представитель ЕС по иностранным делам и

¹ По итогам полугодовых переговоров к власти в Германии пришло правительство «большой коалиции» в составе блока ХДС/ХСС и СДПГ, возглавленное А. Меркель.

политике безопасности в Комиссии Юнкера Федерика Могерини с 2016 г. стала куратором иранских встреч «шестерки», проводимых ежеквартально для оценки реализации соглашения 2015 г. [*Die Wiener Vereinbarung...*, 2018].

На фоне ужесточения позиции США в отношении ИРИ в конце 2017 – начале 2018 г. параллельно стали проводиться встречи «европейской тройки» и ЕС с иранским руководством без участия других игроков, причем тон на переговорах задавали именно ФРГ и ЕС. Для реализации «ядерной сделки», прежде всего уничтожения центрифуг в Бушере и Араке и перестройки реактора на последнем из этих объектов, только в 2016 г. ФРГ выделила МАГАТЭ 4.1 млн евро [ibid].

Активное участие Германии в военной денуклеаризации Ирана стало органичной составляющей общей линии ФРГ на сокращение до минимума числа стран с арсеналами ядерного оружия и различных видов оружия массового поражения (ОМП). Для официального Берлина это было важно вдвойне, поскольку в соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990) страна приняла на себя обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения всеми известными на тот момент видами ОМП [Договор..., 1991, с. 35–37]. Соответственно, участие в переговорах по недопущению появления новых ядерных держав выступало для ФРГ инструментом компенсации жестких самоограничений в области международной безопасности. Здесь уместно обратить внимание на стремление МИД Германии использовать опыт переговоров с Ираном для встраивания в процесс денуклеаризации Корейского полуострова [*Europa steht...*, 2017].

Что дал бы выход ФРГ из «ядерной сделки»? Он продемонстрировал бы недоговороспособность германского истеблишмента и ухудшил бы отношения страны с азиатскими государствами, не укрепив при этом связей с США, заметно ослабленных при администрации Трампа. Президент США последовательно выступает с критикой ЕС (и ФРГ как его главного апологета среди стран – участниц объединения), в 2017 г. прекратив переговоры о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Одновременно Трамп в более жесткой форме, нежели его предшественники, требовал от европейских партнеров по НАТО наращивания военных усилий, соразмерных с американскими. Помимо финансовых вопросов (рост объема военных расходов до 2% ВВП для каждой страны-участницы), проблемой оказалось значительное и быстрое увеличение численности войск, вооружений, парка военной техники и масштабов их участия в военных механизмах блока. Прежде всего это касалось сил быстрого реагирования и передового развертывания.

После окончания «холодной войны» Германия приложила усилия к тому, чтобы занять доминирующее положение в Европе. Достижение «дна» в ходе 25-летнего сокращения бундесвера на фоне стремления к расширению военного присутствия ФРГ на мировой арене послужило толчком к наращиванию ее военной мощи. К тому же официальный Берлин не желает, чтобы Белый дом определял масштабы, темпы и направленность этого процесса: для Германии это означало бы отказ от диверсификации механизмов использования бундесвера за пределами зоны ответственности Альянса и фактическое следование в фарватере политики США в вопросах применения силы. Это неприемлемо для ФРГ, которая с начала XXI в. последовательно выступала против использования на Ближнем Востоке военного потенциала стран – участниц НАТО для проведения собственно боевых операций, если это не было обусловлено доказанной необходимостью самообороны. Так, в период иракских событий (2003) кабинет Г. Шрёдера/Й. Фишера не только заявлял о готовности блокировать механизм НАТО для проведения военной кампании, но и стремился предотвратить операцию, опираясь на возможности ООН и МАГАТЭ. Во время военно-политических кризисов в Ливии и Сирии правительство Ангелы Меркель выступало с жесткой критикой властей этих стран, но отказалось от воен-

ной поддержки боевых операций своих партнеров по НАТО. Логике стратегической сдержанности соответствовало и неприятие силового давления на Иран – как в середине 2000-х гг., когда лишь создавался шестисторонний формат, так и на современном этапе [ibid.].

С военной точки зрения победа в войне с государством, обладающим почти 550-тысячной регулярной армией (вооруженными силами и Корпусом Стражей Исламской революции), огромным мобилизационным резервом (свыше 11 млн человек) и развитой промышленной базой, представляется невозможной, т.е. получение санкции Бундестага на использование бундесвера в боевой операции против Ирана исключено. Скатывание к состоянию военной конфронтации Евроатлантического сообщества с Ираном чревато новой волной дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке, что, в свою очередь, может привести к расширению неконтролируемых потоков беженцев и росту международного терроризма, причем в несоизмеримо больших масштабах, нежели в 2014–2015 гг. Преодоление миграционного кризиса тогда потребовало от ЕС огромных усилий и спровоцировало череду внутренних институциональных и ценностных кризисов.

Германия не готова принять и позицию Израиля, призывающего к силовым акциям, направленным против ядерных объектов Ирана. Подчеркивая свою историческую ответственность за безопасность Израиля, ФРГ считает возможным обеспечить ее лишь посредством сближения официального Тель-Авива с исламским миром (в том числе с Палестиной), но отнюдь не путем развязывания новых войн [*Die deutsche Position...*, 2014].

Переговорная площадка по контролю над реализацией «ядерной сделки» является для Германии одним из немногих механизмов для поддержания контактов с Ираном на стратегическом уровне. Выход из соглашения 2015 г. приведет к отчуждению ИРИ от Запада и, в частности, ФРГ, что создаст для них проблему неопределенности действий официального Тегерана и вероятность прямых военных столкновений в зонах нестабильности (прежде всего в Ираке и Сирии). Соответственно, это резко сузит возможности для сохранения имеющихся (не говоря уже о наращивании) позиций Германии на Ближнем Востоке.

Важным фактором, формирующим позицию ФРГ, является расширение экономического сотрудничества с Ираном на фоне реализации соглашения 2015 г. Отменив санкции в отношении ИРИ, страны – участницы ЕС получили возможность выхода на обширный иранский рынок. Так, с марта 2016 г. по март 2017 г. по сравнению с предшествовавшим 12-месячным сроком объем экспорта ФРГ в ИРИ вырос на 25%, достигнув 2.6 млрд евро (в целом по ЕС эти показатели оказались даже более высокими – 79% и 13.6 млрд евро) [*Die Wiener Vereinbarung*, 2018]. 3 мая 2016 г. на состоявшемся в Тегеране двустороннем бизнес-форуме было представлено свыше 100 компаний из ФРГ.

В качестве одного из главных инструментов усиления стратегических позиций Германии в мире западные аналитики рассматривают укрепление ее роли как ключевого экспортера, прежде всего, высокотехнологичной продукции [Lough, 2018, p. 2–6]. Иран, обладающий емким внутренним рынком (с населением свыше 80 млн человек) и заинтересованный в модернизации своей промышленности, представляется весьма привлекательным для ФРГ экономическим партнером.

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФРГ И САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ

Со времен «холодной войны» Саудовская Аравия является одним из главных импортеров оружия и военной техники, произведенных в ФРГ. В условиях постбиполярного мира происходило наращивание объемов двустороннего военно-экономического сотрудничества: в 2012 г. его уровень достиг пиковой отметки в 1.237 млрд евро [Bericht,

2013, р. 78]. С 1990-х гг. Саудовская Аравия неизменно входила в «двадцатку» ведущих импортеров германской военной продукции.

Однако развитие военно-политического взаимодействия отличалось двойственностью, особенно с начала XXI в. С одной стороны, Саудовская Аравия и Германия последовательно стремились к согласованию своих позиций на стратегическом уровне. Показательна в этом смысле достаточно высокая интенсивность (в среднем один раз в год) встреч на высшем и высоком (с участием глав внешнеполитических ведомств) уровнях в 2000-х – 2010-х гг. Вступив в первую западную антитеррористическую коалицию (2001–2014 гг.), стороны активно координировали использование своих военных инструментов в рамках операции «Активные усилия» («Active Endeavour») в акваториях Красного, Аравийского морей и Аденского залива [*The Bundeswehr*, 2009]. ФРГ и Саудовская Аравия поддерживали создание в 2012 г. и стали постоянными участниками «Группы друзей Сирии» (The Group of Friends of Syrian people), используя эту площадку для оказания политической, дипломатической и экономической поддержки «умеренной» сирийской оппозиции.

С другой стороны, территория Саудовской Аравии не использовалась ФРГ для создания военных баз для действий на Ближнем Востоке. Участвуя в 1992–1994 гг. в Операции ООН в Сомали II (UNOSOM II), бундесвер развернул пункты временной дислокации в Джибути и Кении; там же были созданы военно-морские базы ФРГ на период проведения операции «Активные усилия» [*ibid.*, р. 53, 76]. Германский батальон, занимавшийся в 2002–2003 гг. сбором информации по возможному (но не подтвердившемуся) наличию у Ирака ОМП, был развернут на территории Кувейта [*ibid.*, р. 54]. Военно-тренировочная миссия бундесвера, ответственная за подготовку сил безопасности Ирана в 2004–2005 гг., была размещена в ОАЭ, но не Саудовской Аравии [Pflüger, 2016]. После присоединения ФРГ ко второй западной антитеррористической коалиции (с ноября 2015 г.) офицеры бундесвера были прикомандированы к ее штабам в Ираке, Кувейте и в США [*Rede von Dr. Ursula...*, 2015, р. 13876А].

Главной причиной этого явилось стремление ФРГ избежать втягивания ее в военно-политическое противостояние между Саудовской Аравией и Ираном и утраты возможности для стратегического маневрирования в регионе. В целом, развертывание войск и военной инфраструктуры на территории региональной ближневосточной державы могло быть чревато для Германии, во-первых, использованием этого обстоятельства для давления на ФРГ при решении различных вопросов мировой политики. Во-вторых, возможностью втягивания германских вооруженных сил в боевые действия на стороне Ирана в случае, если по их расположению (по ошибке или в результате провокации) врагами ИРИ будут нанесены, например с территории Йемена, ракетные удары.

Для ФРГ примером опасности размещения войск на территории региональной державы стала ситуация с Турцией, где вблизи сирийско-турецкой границы в декабре 2012 г. Германия (совместно с Нидерландами и США) создала район ПВО, который планировалось сохранить как минимум до 2019 г. Однако уже в октябре 2015 г. средства ПВО и личный состав были выведены из Турции [*Die PATRIOTS...*, 2015]. Прежде всего, это было обусловлено угрозами нападения на них боевиков «Исламского государства» из-за двойственной позиции Анкары и ее стремления избежать разногласий с Россией, ставшей активно использовать в Сирии ВКС для разгрома ИГ. Решение правительства А. Меркель/Г. Вестервелле о выводе войск оказалось весьма своевременным: 24 ноября 2015 г. вблизи района дислокации группировки ПВО с турецкой территории был сбит российский бомбардировщик, а экипаж погиб. В случае даже косвенной причастности ФРГ и США к этому инциденту последовавший за этим событием политический конфликт между РФ и Турцией мог бы перерасти в прямое противостояние между НАТО и Россией.

В условиях глубокой дивергенции позиций официальной Анкары и большинства стран – участниц Альянса группировка бундесвера, предназначенная для поддержки партнеров по антитеррористической коалиции, к 7 июня 2017 г. была полностью выведена с турецкой базы Инджирлик. К октябрю 2017 г. воинские подразделения и техника были переведены на базу Аль-Ашрак в Иордании [*Einsatz der Bundeswehr...*, 2018]. Учитывая этот опыт, ФРГ не пошла на установление прямых военных контактов с Саудовской Аравией.

В связи с этим возникают два вопроса: насколько сохранение и развитие ирано-саудовского противостояния отвечает интересам Германии в регионе и которое из двух государств является для ФРГ более ценным партнером в долгосрочной перспективе?

Представляется, что нынешняя модель взаимоотношений между ИРИ и Саудовской Аравией должна быть выгодна Германии: взаимное сдерживание двух региональных держав не только снижает возможности их противодействия проникновению внешних игроков на Ближний Восток, но и вынуждает Саудовскую Аравию (и в меньшей степени Иран) искать пути сближения с ними. С середины 2010-х гг. Германия стремится лавировать между двумя ближневосточными центрами силы, используя растущий интерес к себе со стороны официальных Эр-Рияда и Тегерана. Существует и взаимная заинтересованность саудовских властей и германских деловых кругов (интересы которых традиционно находятся в фокусе внимания правительства) в поставках в Королевство широкой номенклатуры конвенциональных вооружений и военной техники.

Следует отметить, вместе с тем, и незаинтересованность Берлина в эскалации ирано-саудовского политического конфликта и в его перерастании в горячую фазу. Подтверждением этому служат активные усилия германской дипломатии по урегулированию или хотя бы нивелированию значимости тех проблем, которые могли бы привести к резкому возрастанию региональной напряженности.

Кабинет А. Меркель/Ф.-В. Штайнмайера осудил факт казни в Саудовской Аравии в январе 2016 г. 46 шиитских проповедников во главе с Нимром аль-Нимром и сопровождавший эти события разрыв дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией. Примечательно, что официальный представитель федерального правительства Ш. Зайберт обошел вниманием факт массовых протестных выступлений перед посольством королевства в Тегеране [*Regierungspressekonferenz...*, 2016]. Власти Германии призывали стороны к восстановлению диппредставительств, указав, что «отношения между Саудовской Аравией и Ираном, хотя и конфликтные, имеют основополагающее значение для урегулирования кризисов в Сирии, Йемене и для стабилизации в регионе, в целом» [*ibid.*].

Разрыв в июне 2017 г. дипломатических отношений между Саудовской Аравией (а также Бахрейном, ОАЭ и Египтом) с Катаром, обвиненным одновременно в поддержке международного терроризма (в том числе ИГ) и дружеских отношений с Ираном, вызвал немедленную реакцию ФРГ. В рядах германского истеблишмента растет недовольство неофициальной поддержкой ИГ со стороны Катара, хотя в последние годы правительство Германии развивало сотрудничество с Дохой по различным направлениям. ФРГ, в частности, поставляла в Катар вооружения и военную технику (ВиВТ). Так, в 2015 г. Катар закупил в Германии ВиВТ на 1.669 млрд евро, в том числе боевые танки «Леопард 2» [*Bericht...*, 2016, р. 83]. И хотя столь масштабный объем оборонных сделок оказался скорее исключением, нежели правилом, он показывал заинтересованность Германии в сотрудничестве с Катаром.

Как и следовало ожидать, Германия активно включилась в процесс урегулирования дипломатического конфликта. Среди причин этого – стремление не допустить перерастания кризисной ситуации вокруг Катара в новый виток ирано-саудовского противостояния [*Pressekonferenz...*, 2017]. Есть основания предполагать, что кабинет

А. Меркель/Ф.-В. Штайнмайера использовал угрозу частичного эмбарго на поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию для предотвращения применения силы в отношении официальной Дохи. При этом Берлин не только не ослабил, но, напротив, упрочил контакты с Катаром. Так, 15 сентября 2017 г. состоялись переговоры между канцлером А. Меркель и шейхом Тамимом бин Хамадом аль Тани. Тот факт, что они произошли накануне прибытия двух лидеров на открытие Генеральной Ассамблеи ООН, свидетельствовал о стремлении ФРГ предотвратить разрастание конфликта и о ее поддержке официальной Дохи [ibid.].

СИРИЯ, ИРАК, ЙЕМЕН: ЕСТЬ ЛИ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ИРАНОМ?

В условиях нарастания с начала 2010-х гг. нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке вопросы урегулирования вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке находились в центре внимания как Ирана, так и Германии – особенно после миграционного кризиса 2014–2015 гг. и активизации боевиков ИГ в Европе. Разногласия между ФРГ и ИРИ существовали в оценке легитимности правительства Башара Асада и в вопросе обеспечения территориальной целостности Ирака.

Что касается борьбы с ИГ, Германия, с одной стороны, исключала возможность какого-либо взаимодействия и тем более сотрудничества с антитеррористической коалицией в составе России, правительства Сирии и Ирана (в том числе по линии созданного ими в Багдаде Информационного центра). При этом формы участия ФРГ (выполнение бундесвером небоевых задач в области разведки, снабжения, охраны войск и военной техники, штабная работа и т.д.) [Rede von Dr. Ursula..., 2015, p. 13876A–13876C] в деятельности второй западной антитеррористической коалиции снижали возможность возникновения конфликтов с ИРИ. С другой стороны, – наблюдалось ужесточение подходов Германии к вопросам оказания Ираном военной помощи правительству Башара Асада. Так, в 2014–2015 гг., когда потенциал ИГ считался значительным, Германия сдержанно критиковала иранский режим, призывая его лишь не наращивать масштабов использования своих войск [Ibid.]. Однако по мере достижения сирийской правительственной армией и иранскими войсками, поддерживавшимися ВКС РФ, военных успехов росло негативное восприятие их действий со стороны ФРГ [Außenminister Steinmeier..., 2016]. В 2017–2018 гг. представители германского истеблишмента указывали на сложность или даже невозможность урегулирования сирийской проблемы без прекращения иранской и российской помощи властям САР, которые на Западе считались утратившими легитимность с самого начала в 2011 г. конфликта [Rede der Bundesministerin..., 2017].

Одним из препятствий на пути восстановления Ирака руководство ФРГ считает сложность реинтеграции в единое государство преимущественно шиитского населения южных районов страны, с которыми ИРИ развивает тесное и разностороннее сотрудничество. Надо сказать, что с 2014 г. ФРГ оказывала военную помощь (поставки оружия, боеприпасов, развертывание тренировочной миссии бундесвера) курдам и официальному Багдаду для борьбы с ИГ [Antrag..., 2014, p. 1–2], однако даже не рассматривала – на официальном уровне – вопрос о содействии ополчениям, созданным на юге Ирака и ведущим борьбу с международным терроризмом.

Растущую обеспокоенность у руководства ФРГ вызывает развитие вооруженного конфликта в Йемене. Германия активно использует экономические возможности для частичного снятия остроты гуманитарного кризиса в этой арабской стране, поставляя ей вакцину и лекарства от холеры, которой к началу 2018 г. болело около 650 тыс. человек. Кроме того, ФРГ участвует в проектах увеличения грузоподъемности порта Ходейда (на побережье Красного моря), через который в рамках реализации всемирной продовольст-

венной программы населению Йемена поступает гуманитарная помощь, в том числе и от Германии [*Auswärtiges Amt...*, 2016]. Вместе с тем, Германия не только избегает использования военной силы в Йемене, но и ее дипломатические шаги по урегулированию конфликта остаются весьма ограниченными.

Чем обусловлен данный подход? Проблема Йемена (в том числе с точки зрения миграционной и террористической угрозы ФРГ) официально Берлину представляется не столь значимой, как сирийский или иракский вопросы. Однако Германия активно участвовала (в том числе путем использования своих миротворческих контингентов) в урегулировании ситуации в Сомали. То есть главная причина неучастия в разрешении йеменского конфликта состоит в ином: военно-политическое вовлечение в него неизбежно поставит Берлин перед выбором – поддержать действия коалиции во главе с Саудовской Аравией и в этом случае серьезно осложнить отношения с Ираном или продемонстрировать глубокое расхождение в позициях с Эр-Риядом, который рассматривает Аравийский полуостров как «свою территорию».

Интересно, что власти ФРГ не выступили с критикой действий коалиции, приведших к жертвам среди мирного населения, но и не выразили готовности развернуть военно-тренировочную миссию или направить (как это было в Ираке) подразделения спецназа для поддержки войск, лояльных президенту Адб-Раббу Мансуру Хади. Таким образом, подтверждается стремление Германии избежать вовлечения в ирано-саудовское противостояние и одновременно не допустить его экспансии на другие страны Ближнего Востока. Ожидать активного дипломатического вмешательства ФРГ в йеменский конфликт возможно лишь в случае появления объективных предпосылок для примирения хуситов – сторонников бывшего президента Али Абдалла Салеха – с силами, лояльными Абд-Раббу Хади, и возникновения компромисса между Саудовской Аравией и ИРИ.

* * *

Германия заинтересована одновременно в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в расширении своего стратегического присутствия в регионе. На Ближнем и Среднем Востоке решением этой проблемы для ФРГ может стать лишь сохранение и укрепление многополюсной региональной подсистемы. С одной стороны, Германия активно противодействует перерастанию ирано-саудовской конкуренции в горячую фазу, с другой – препятствует дальнейшему усилению влияния в регионе как ИРИ, так и Саудовской Аравии. В случае с Ираном это проявляется в отказе от практического взаимодействия с ним и дружественными ему силами в борьбе с международным терроризмом в Сирии и Ираке. Применительно к Саудовской Аравии – в сопротивлении диктату официального Эр-Рияда в отношении стран – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), что продемонстрировано поддержкой Германией Катара во время дипломатического кризиса 2015 г.

Германия придерживается линии на определенное дистанцирование от обоих ведущих региональных игроков, одновременно диверсифицируя свою политику на Ближнем Востоке за счет развития отношений с малыми и средними государствами, и прилагает усилия для сохранения «ядерной сделки», рассматривая ее как основу для стабилизации обстановки в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. *Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Выпуск XLVII*. М., 1994. С. 34–37 [The Agreement on the final settlement in respect of Germany of September 12, 1990. *Sbornik*

mezhdunarodnich dogovorov SSSR i Rossyiskoi Federatzii: Vypusk XLVII. Moscow, 1994. Pp. 34–37 (in Russian)].

Павлов Н.В. *Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире*. М., 2005 [Pavlov N. V. *German foreign policy in post-bipolar world*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Ханнанова Г.А. Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. 2017. № 4. С. 760–769 [Hannanova G.A. The features of German foreign policy in the Middle East and North Africa. *Vestnik RUDN. Serya Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. № 4. Pp. 760–769 (in Russian)].

Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.2014. 8 Pp.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2013.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016.

Bredow von W. *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 Pp.

Lough J. *Germany's Russia challenge*. Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 64 Pp.

Rede von Dr. Ursula von der Leyen, Bundesministerin BMVg. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. Pp. 13875C–13876C.

REFERENCES

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo (2016). URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html.

Auswärtiges Amt zur Lage in Jemen (2018). URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/jemen-konflikt/1334026>.

Bundeskanzlerin Merkel reist in das Königreich Saudi-Arabien und in die Vereinigten Arabischen Emirate (2017). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2017/04/2017-04-21-saudi-arabien-vae-breg.html>.

Bundeskanzlerin Merkel telefonierte mit dem amerikanischen Präsidenten Donald Trump (2017). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2017/09/2017-09-28-bkin-telefonat-trump-breg.html>.

Die deutsche Position: Zwei-Staaten-Lösung durch Verhandlungen (2015). URL: <http://www.auswaertigesamt.de>.

Die PATRIOTS in der Türkei beenden ihren Auftrag (2015). URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/!ut/p/c4/LYvBCsIwEET_KJtoRfDW2IseVWi9yLZZymKaLi1UPx4E-gMDMw8Bp6QHfDLAWrHg-B4e0PZ86hbVLY5exOGDsuaKb5nJ-20iWQnu5exI9TGQIBQKwjHhBKtmmlSX8icUiaKHbTaNNYcK73J_Q9vZ53h0o3F3uDaRzrP-0pV5EE!/.

Die Wiener Vereinbarung: Lösung des Nuklearstreits mit Iran (2018). URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/naehermittlererosten/iranisches-nuklear-programm-node>.

Einsatz der Bundeswehr beim Kampf gegen den „IS“ über Syrien/Irak und in See (2018). URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/syrien/higru/!ut/p/z1/04Sj9CPyKssy0xPLMnMz0vMAflJo8zinSx8QnyMLI2MXEKdHQ0cPRzDzNzNDI0MnA3lwwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmhFsoh-sH6UflZVYllihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yI0S_gIDei3KDcUREAhdQ8bQ!//dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DUCA0AHAV6G6120S4.

Europa steht zum Iran-Abkommen (2017). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2017/10/2017-10-16-iran-eu.html>.

Pflichter T. Beteiligung der Bundeswehr am Irakkrieg (2016). URL: <https://www.coonection-ev.de/article-307>.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Emir von Katar, Sheikh Tamim bin Hamad Al Thani (2017). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2017/09/2017-09-15-pk-merkel-emir-von-katar.html>.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin, 18. Mai 2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2018/05/2018-05-18-pk-merkel-putin-sotschi.html>.

Rede der Bundesministerin der Verteidigung Dr. Ursula von der Leyen, zur Fortsetzung des Bundeswehreinsatzes zur Bekämpfung terroristischer Handlungen durch die Terrororganisation Islamischer Staat (IS) vor dem Deutschen Bundestag am 21. November 2017 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2017/11/112-3-bmvg-bt.htm>.

Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Sigmar Gabriel, bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17. Februar 2018 in München. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/02/19-3-bmaa-sicherheitskonferenz.html>.

Regierungspressekonferenz vom 4. Januar (2016). URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/01/2016-01-04-regpk.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия.	Philipp O. TRUNOV – PhD (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
--	--